

ЮРИЙ БОНДАРЁВ

АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Он был человеком легенды, как бы замкнутый в круг постоянных разговоров, слухов, наветов, клеветы, в то же время его окружали товарищество, любовь, восхищение его добротой, широтой, каким-то русским купеческим размахом.

Анатолий Владимирович оставался для меня загадкой до тех пор, пока не произошел между нами разговор о литературе в ту начальную пору 70-х годов, когда часть нашей критики травила только что вышедший роман “Горячий снег”, за “солдатскую и генеральскую правду”, за “трагизм”, за то, “что так на войне не бывает”. Возникла шумная и бестолковая полемика в центральной печати, критические залпы разного калибра были достаточно хорошо организованы кабинетными военспецами, но уже мало удивляли меня после долгих и бесполезных дискуссий в 50–60-х годах по поводу “Батальонов...”, “Последних залпов” и “Тишины”.

В самый разгар спора о “Горячем снеге”, когда донельзя разгоряченные критики начали отказывать роману в подлинности “материала”, позвонили из популярнейшего “Огонька”, в котором несколько лет назад я печатал рассказы, и Софронов, главный редактор журнала, спокойно спросил меня: “Вы серьезно относитесь ко всей этой поносоподобной чепухе вокруг вашего романа?” Я постарался шутливо ответить, что давненько обстрелян, поэтому не кланяюсь каждой пуле. И только вскользь обращаю внимание на каждый угрожающий свист.

Помню, Софронов ответил, что это самая правильная реакция. И добавил: “Они хотя бы всеми способами снизить художественную значимость вашей вещи, хотя выбить вас из седла. В основном это ревнители и ниспровергатели всего, что не принадлежит им. Поэтому держитесь крепче. У вас много поклонников. И вы должны это знать”.

И в следующем номере журнала, к моему изумлению, появилась огромная статья с непривычным для нашей критики громким заглавием: “Победа Юрия Бондарева”. Само слово “победа” звучало необычно и нескромно для теории литературы тех времен, особенно для современного автора, вокруг которого ломались копыя, однако, как мне помнится, после этой статьи ледяной ветер теоретической болтовни начал стихать, и по-весеннему подуло с юга.

Чем больше я узнавал Софронова, тем полновеснее он раскрывался как личность, незаурядная, талантливая, доброжелательная, смелая. Эта порода людей, к сожалению, вымирающая, и в наши дни встречается редко. Мало кто из современных ему драматургов обладал таким народным чувством юмора, как воплотившееся в его известнейших комедиях “Стряпуха”, “Миллион за улыбку”. Мало кто так нервно чувствовал живое дыхание действительности

(“Карьера Бекетова”). Внимательно следившие в последние годы за книгами Софронова взволнованно поразились какой-то новой печальной глубине его лирической и философской поэзии. Это были годы осмысления, бремени опыта жизни, грустного познания, ощущения недолговечности собственного бытия.

Трудно забыть 60-летие Анатолия Владимировича в огромном зале гостиницы “Советская”, где собрался цвет культуры России, писатели, драматурги, актеры самых разных направлений, течений и вкусов – у него было особое умение объединять людей и в рабочей обстановке любимого им журнала и завидная редкая способность разряжать обстановку несогласий и споров – легкой иронией, шуткой, улыбкой софроновской – лукаво доброжелательной, знающей о каждом нечто оправдательное. Все эти качества притягивали к нему людей, и недруги в конце концов прощали ему пронзительную прямоту в минуты сверхсерьезные.

Меня подкупало в нем отсутствие дряхлых условностей, литературных предрассудков, устоявшихся элитарных мнений. Его журнал широко печатал писателей самых разных эстетических заповедей. Что касается моих связей с редакцией, то они были верны и прочны, начиная с опубликования романа “Берег” (роман одновременно печатался в “Нашем современнике”). Анатолия Владимировича не стесняло это параллельное печатание, тираж “Огонька” был более 2 миллионов и, по словам Софронова, это были широкие ворота для романа, открытые читателю. Затем одновременно с “Нашим современником” публиковался на страницах “Огонька” и роман “Выбор” и одновременно с “Новым миром” роман “Игра”.

Не всякий издатель решился бы на подобную параллель из одного лишь чувства первенства.

Как редактор, организатор издательского дела, Софронов был бесстрашным человеком в высшем понимании этого слова, и его не пугали желто-черные потоки, излитые на журнал в начале пресловутой перестройки, быстро изобразившей физиономию зоологического оскала.

В дни злобного торжества горбачевско-яковлевской государственной измены Анатолий Владимирович (натура независимая, поэтому власть имущим неудобная) был отстранен от журнала, и на его место поставлен некий Коротич, киевский заезжий литератор, фигура омерзительно циничная, жалко изогнутая в придворных поклонах, особенно грязная в своей кипучей ненависти ко всему отечественному, святому, прошлому, духовному, русскому, героическому и скорбному, что являла наша жизнь.

И “Огонек”, издание “нового мышления” нанятого факельщика с забытой сейчас фамилией, стал одним из орудий разрушения и убийства нашей культуры.

В памяти нашей, однако, прочно остается “Огонек” софроновский.